

Нет автора

**Русский архив. Историко-литературный
сборник. 1913**

Выпуски 10-12

Н57 **Нет автора**
Русский архив. Историко-литературный сборник. 1913: Выпуски 10-12 / Нет автора – М.: Книга по Требованию, 2023. – 492 с.

ISBN 978-5-458-47954-7

Оригинальное название: Русский архив. Историко-литературный сборник. 1913. Выпуски 10-12 «Русский архив» — ежемесячный историко-литературный журнал, издававшийся в Москве с 1863 по 1917 год. Создателем и продолжительные годы редактором журнала был П. И. Барте́нев – историк, археограф, библиограф. Этот журнал называли «живой картиной былого», поскольку он содержал преимущественно публикации неизданных мемуарных, эпистолярных, литературно-художественных и ведомственных документальных материалов, освещавших культурную и политическую историю России в XVIII и XIX вв. По числу опубликованных источников «Русский архив» стоит на первом месте среди русских исторических журналов. В течение полувека П. И. Барте́нев издавал журнал, сумел много написать, опубликовать, открыть множество неизвестных источников. Служба П. И. Барте́нева в Архиве министерства иностранных дел, поездки за границу, работа в Чертковской библиотеке позволили редактору познакомиться с разнообразными материалами по истории России. Интересен факт, что именно П. И. Барте́нев подбирал исторический материал для романа "Война и мир". Когда известный граф М. С. Воронцов пригласил П. И. Барте́нева издать семейный архив Воронцовых, историк познакомился с его женой, Елизаветой Ксаверьевной, услышал от нее много интересных рассказов о Пушкине. Впоследствии в разных журналах, в том числе и в «Русском архиве» были опубликованы статьи П. И. Барте́нева, посвященные Пушкину, которые легли в основу будущих исследований пушкинистов, биографов, краеведов, изучавших его творчество. На страницах журнала были опубликованы произведения русских писателей и поэтов: В. А. Жуковского М. Ю. Лермонтова, Н. М. Карамзина, Н. В. Гоголя. Среди редких исторических документов в «Русском архиве» были опубликованы материалы об Отечественной войне 1812 года (1890), записки и письма декабристов (во многих книжках «Русского архива» различных годов).

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

льда вода и замерзшая очень гладко наледь, по скользкости которой собаки бѣжали съ великимъ трудомъ.—Острожекъ Камаки лежитъ на берегу рѣки Камчатки, продовольствуетъ себя рыбой, а въ лѣтнее время промышляетъ въ великомъ множествѣ въ близлежащихъ озерахъ дикихъ гусей и утокъ. Впрочемъ—зима доставляетъ имъ обыкновенный звѣриный промыселъ соболей и лисицъ; жителей во всемъ острожкѣ 16 человекъ; которые въ образѣ жизни болѣе слѣдуютъ русскимъ нежели камчадаламъ.—Во многіе прежніе мои проѣзды до сего острожка въ зимнее время всегда терпѣлъ сильную пургу на половинѣ дороги (въ щеляхъ, по здѣшнему называемыхъ). Это есть по обоимъ берегамъ рѣки Камчатки утесистыя горы, изъ ущелинъ коихъ при маломъ вѣтрѣ всегда дѣлается довольно крѣпкая пурга, то есть по русски вьюга или ураганъ. Всего мѣста версть на десять—но нерѣдко принуждаетъ проѣзжихъ ночевать на срединѣ щелей въ прежде бывшемъ Щеповскомъ острожкѣ, жители коего въ послѣднее повѣтріе всѣ померли, и нынѣ только видны одни признаки.—При выѣздѣ изъ щелей чистый горизонтъ въ прелестномъ видѣ представилъ взору моему величественность огнедышащей Ключевской Сопки, которая съ полгода времени перестала горѣть пламенно; а только временемъ бываетъ изверженіе;—дышитъ же довольно часто.

29 ч.—Въ 8-мь часовъ утра отправились изъ Камаковъ, позавтракавши изрядной дичиной; прибыли въ каменной острогъ въ 11-ть часовъ, 22 версты по хорошей дорогѣ, добрые кони Камчатки перевезли въ три часа.—Острожекъ Каменный лежитъ на берегу рѣки Камчатки, жителей въ немъ 12 человекъ; промыселъ имѣютъ таковой же, какъ и въ Камакѣ, пообѣдавши въ семь острожкѣ и распростившись, съ провожавшимъ меня любезнымъ другомъ Дмитріемъ Ивановичемъ Кошелевымъ, отбыли въ 11-ть часовъ въ Харчинъ, куда доѣхали въ половинѣ четвертаго часа пополудни;—33 версты, большею частію по озерамъ, не заняли много времени въ дорогѣ.—Харчинскій острожекъ лежитъ на берегу рѣки Егловки и преимуществуетъ лучшими гольцами по всей Камчаткѣ; Впрочемъ, 8-мь человекъ камчадаловъ содержатъ себя обыкновеннымъ ихъ промысломъ. Напившись чаю и перемѣнивъ своихъ собакъ, пустились въ 6-ть часовъ въ Еловскій острожекъ, куда прибыли, проѣхавъ 57-мь версть въ самую полночь—Еловской острожекъ лежитъ при рѣкѣ Еловки, жителей имѣетъ 16-ть душъ, содержитъ себя обыкновеннымъ промысломъ.—Переночевавъ, утромъ нашелъ прибывшаго сюда слѣдующаго къ батальону изъ Тигильской крѣпости подпоручика Пазухина съ женою.—Утромъ въ 7-мь часовъ отправился въ свой путь.

30 ч.—Проѣзжая тундренныя мѣста, на половинѣ дороги застала насъ изрядная пурга отчего были въ пути 12-ть часовъ; на 73-верстномъ разстояніи; и прибыли въ Озерный острожекъ. Сей лежитъ при рѣкѣ Озерной; жителей въ немъ 4-е человѣка,—и живутъ не въ избахъ, а въ юртахъ (родъ землянокъ).

Новый ночлеги показались для насъ, по претерпѣніи крѣпкой пурги, изряднымъ. Но въ самомъ дѣлѣ онъ того не заслуживаетъ.—Здѣсь мы ѣли дикую оленину.

Декабрь 1-е ч. Переночевавъ, пустились въ Укинской острожекъ куда прибыли въ 3-и часа пополудни; и по случаю разгона собакъ остановились ночевать.—Острогъ Укинской лежитъ на берегу рѣки Уки, имѣетъ въ себя жителей всѣхъ три человѣка, которые могутъ нести всѣ тягости ихъ обременяющіе;—считается до сего острожка отъ Озернаго 33 версты; но по часамъ я замѣтилъ, что должно быть около 50-и версть.

Декабрь 2-го ч.—Утромъ отправились въ Халюли, и, проѣхавъ 57-мь версть достигли Острожка, который лежитъ въ двухъ верстахъ отъ моря, при рѣкѣ Халюли; имѣетъ въ себѣ жителей 13-ь душъ: а строенія двѣ юрты. Здѣсь я нашелъ человѣка моего, отправленнаго изъ Нижне-камчатска съ 22-го Ноября съ моимъ экипажемъ на собственныхъ собакахъ; здѣсь мы дневали.—Халюлинской таюнь, принялъ меня весьма вѣжливо и напоследокъ его семьи женщины, тотъ часъ по пріѣздѣ моемъ одѣлись въ лучшее свое платье, и старались по ихъ обыкновенію угощать всѣмъ изящнымъ, то есть морожеными ягодами, голубицей, брусникой и морошкой.

3 ч. Утромъ отправились къ Ивашинскому острожку, куда и прибыли, проѣхавъ 59-ть версть, въ часъ пополудни;—Ивашинской острожекъ лежитъ при рѣкѣ Ивашкѣ, разстояніемъ отъ моря въ 10-и верстахъ;—жителей въ немъ 6-ть человѣкъ, каюрныхъ (то есть, кѣторые могутъ ѣздить подводчиками).

Ивашкинской таюнь казался мнѣ по своему смѣшному разговору пьянымъ; а на повѣрку вышло, что онъ предъ нашимъ прибытіемъ наѣлся мухоморовъ, которые на нихъ сильнѣе водки дѣйствуютъ. Ввечеру представилъ намъ двухъ своихъ дочерей и одного сына, одѣтыхъ въ самомъ лучшемъ платьѣ и нѣсколькихъ пѣвицъ, которыя начали пѣть національную ихъ пѣсню, „бахае, бахи“, а двѣ дочери и

сынъ пустились плясать и такъ долго коверкались, что вышли изъ памяти, что доказательно тѣмъ, что, когда пѣвицы кончили свою пѣсню: плясуны все продолжали съ прикрикомъ странное свое коверганье. Напоследокъ, выбившись изъ силъ, лежа на боку, упали то жъ.—Я сжалившись надъ бѣдными сказалъ ужъ таюну, чтобъ онъ приказалъ ихъ успокоить!

4-го ч. Утромъ отправились въ свой путь и, проѣхавъ 29-ть верстъ, прибыли въ острожекъ Дранкинскій, который лежитъ при рѣкѣ Юмгинской, разстояніемъ отъ моря въ десяти верстахъ, жителей имѣеть 11 человекъ, живутъ всѣ въ 3-хъ юртахъ, и говорятъ языкомъ, смѣшаннымъ съ каремскимъ, а не природнымъ своимъ;—здѣсь въ первый разъ я увидѣлъ кочующихъ межъ Ивашкой и Дранки каремъ. По приѣздѣ моемъ они немедленно прибыли въ Дранку на оленяхъ, запряженныхъ по два въ санку; ѣзда на нихъ гораздо поспѣшнѣе собачьей—только чаще должно останавливаться для кормовъ.

5-е ч. Въ 9-ь часовъ пополудни отбыли изъ Дранки и, переѣхавъ 57-ь верстъ подлѣ самаго моря, прибыли въ три часа пополудни въ Карагизскій острогъ; который лежитъ при рѣкѣ Карая, разстояніемъ отъ моря въ 5-ти верстахъ; жителей въ немъ 17 камчадалъ, которые больше похожи образомъ жизни на каремъ. Мужчины и женщины мало носятъ рубахъ,—а по большей части имѣютъ одежду, сдѣланную изъ оленьихъ кожъ.

6-го и 7-го. Жестокая пурга принудила насъ здѣсь прожить два дня; и какъ я зналъ, что болѣе не будетъ намъ частыхъ селеній; потому и старался запастись здѣсь на недѣлю какъ для людей пищей, равно и собакъ кормомъ; одинъ камчадалъ доставилъ мнѣ оленя, за коего заплатилъ ему фунтъ табаку, и онъ чрезвычайно тѣмъ былъ доволенъ.

8-го ч. По прекращеніи пурги отправились въ дорогу, и проѣхавъ 40 верстъ, остановились ночевать въ пустой юртѣ, гдѣ прежде былъ Тамлатинскій острогъ; одинъ житель сего строенія предъ нашимъ прибытіемъ перебрался жилищемъ на зимовье, лежавшее гораздо далѣе отъ моря.—Проѣздъ нашъ изъ Кареги былъ весьма труденъ, по причинѣ глубокаго брода. Почти всю дорогу каюрщики наши шли пѣшіе на лапкахъ, кои здѣсь употребляются вмѣсто лыжъ, и близъ самой Тамлатинской юрты очень долго спускали съ прекрутой горы; камчадалы, выпрягнувши нашихъ собакъ, принуждены были спускаться сани на своихъ плечахъ.

9-е ч.—Здѣсь снова застигла насъ жестокая пурга и принудила жить въ пустой юртѣ, гдѣ, обогрѣваясь, принуждены были воду для пищи и питья таять изъ снѣга; по причинѣ той, что въ рѣкѣ Татлатѣ она въ пищу не годилась. Ибо по близости моря она мало разняствовала отъ морской.

10-е ч. По прекращеніи пурги съ половины дня пустились въ дорогу и такъ какъ мы ужъ заготовленнаго для собакъ корму издержали немалую часть, то и не надѣялись съ онымъ доѣхать въ Пусторѣцкѣ, то есть настоящій нашъ трактъ; а рѣшили ѣхать Укинскимъ берегомъ чрезъ Сидялихъ, Карякъ, называемомъ Ветвейскимъ трактомъ. Хотя сія дорога и считается гораздо далѣе Пусторѣцкаго тракта, но она надежнѣе Кармалки и безопаснѣе отъ пурги.

Проѣхавши, примѣрно, верстѣ 30-ть, мы ночевали въ пустомъ мѣстѣ, гдѣ едва могли выискать дровъ для приготовленія себѣ пищи.

11-го ч. Утромъ очень рано оставили непріятный ночлеги.— Ѣхавши цѣлый день и половину ночи самыми чистыми мѣстами, безъ малѣйшихъ слѣдовъ дороги, едва не растеряли своихъ товарищей; наконецъ достигли Илпилскаго острога. Слѣдующій со мной въ Гежигинскую роту поручикъ Фалтинъ, оставши отъ насъ въ семь пути, едва на другой день отыскалъ послѣдній сей камчадалскій острогъ; темная ночь и самыя чистыя мѣста, признаюсь, наводили на меня немалое сомнѣніе!

12-го ч. Собравши здѣсь свой обозъ, остались ночевать въ ежегодной—и предымной юртѣ.

13-го ч. Теперь отправляемся мы къ новымъ знакомымъ въ первый острогъ Сидялихъ и называемой Колягинскъ. Онъ лежитъ надъ самымъ моремъ, состоитъ изъ двухъ юртъ, имѣетъ въ себѣ жителей 5-ь человекъ; они мало имѣютъ собакъ, а употребляютъ вмѣсто нихъ оленей, которыхъ имѣютъ немалое число; юрты ихъ построены такимъ образомъ, что ходятъ въ оныя не дверьми, а съ самой середины верха въ отверстіе, очень похожее на корабельный люкъ, который у нихъ служитъ днемъ и за окно, и для выходненія дыма отвѣчаютъ за трубу. А спускаютъ ее въ него по лѣстницѣ, вырубленной изъ одного дерева.—Въ юртѣ огонь кладется на полъ къ одной стѣнѣ, у которой сбоку сдѣлана отдушина, для пронесенія дыма въ сказанную трубу, но при всемъ юрта всегда бываетъ полна дыму, нечистоты и неопрятности которые, мнѣ кажется,

здѣсь имѣютъ главное пепелище; женщины имѣютъ одежду тамъ, какъ и мужчины; всѣ вообще въ куклянгахъ, только послѣдніе носятъ на головахъ платки.

14 ч. Здѣсь пурга принудила насъ остаться. Вотъ случай несчастія нашихъ собакъ.—

Прежестокая пурга не позволила караульнымъ быть при нашемъ экипажѣ. А потому и собаки привязаны были близъ юртъ безъ присмотра.—Только страшный оныхъ вой въ самую полночь меня разбудилъ; я тотчасъ выслалъ челоуѣка своего узнать о причинѣ, и что же онъ нашелъ?—Кучу волковъ, которые атаковали нашихъ рысаковъ; къ несчастію двѣ моихъ и нѣсколько капорныхъ (то есть, подводныхъ), были жертвой добычи хищниковъ.

15 ч. Прожили за пургой.

16 ч. По претерпѣннн Карсуксихъ, пустились въ дорогу и прибыли въ острожекъ Метаемонемъ; онъ лежитъ при рѣкѣ Выкненской, состоитъ изъ двухъ юртъ, жителей въ немъ четыре челоуѣка.

17-е ч. Отсюда отправились въ острожекъ Тиличинскъ, который лежитъ при рѣкѣ Тилигинѣ, не въ дальнемъ разстояннн отъ моря. Живетъ въ немъ бей ясишныхъ тайонъ, или князекъ сего острожка Симеонъ Тагилыновъ, ѣхалъ съ нами вмѣстѣ изъ Ивашкинскаго острожка; ласковый его пріемъ и лучшее угощеніе были намъ оказаны, онъ говорилъ немного по-русски и крещенъ; по пріѣздѣ нашемъ къ острожку, таюнъ со своей женою встрѣтилъ насъ на дворѣ; и, когда я вошелъ въ юрту, то онъ представилъ мнѣ всю свою семью, которая по опрятности вродѣ Карянъ, и едва ли не изъ первыхъ.

Здѣсь нашелъ я главнаго князька каменскаго острога Ахайма, онъ гостилъ у сихъ Карянъ. Здѣсь видѣлъ я тѣхъ торговцевъ, которые въ прошломъ 803 году едва не зарѣзали К. и замѣтилъ въ нихъ великую буйность.

18-го ч. Теперь отправляемся къ послѣднему Острожку сидячихъ карянъ, по берегу океана.

Острожекъ Ветвей лежитъ при хорошей рѣкѣ Ветвей, жителей въ немъ 5 челоуѣкъ, до этого острожка провожалъ насъ со своей женою таюнъ Татлышовъ, здѣсь мы дневали.

19-е и 20-е ч. Поутру отпавились въ Каменный острогъ, до коего князекъ Ахайма ѣхалъ съ нами вмѣстѣ. Онъ былъ со своими карянами въ проѣхавшихъ мной карецкихъ селеніяхъ, для гощенія, то есть мелочнаго межъ собой торга. Нынѣ мы оставили юго-восточной берегъ Сѣвернаго океана и поворотили къ сѣверо-западу.

21. Пенжинская губа. Теперь пустились въ чистый долъ, что у насъ называется, чистое поле: четыре дня провели въ самыхъ безлѣсныхъ и необитаемыхъ мѣстахъ. Жестокіе морозы и крѣпкій сиверь, не давали намъ и ночью покоя, хотя мы и разбивали свою палатку, но она мало защищала отъ холода; одна половина дороги была тундренными мѣстами, а вторая рѣками Ветвеею и Талопкой. Во всю дорогу любопытнаго ничего не случилось, кромѣ, что въ одну нашу остановку среди дня примѣтилъ я жертвоприношеніе карянь, изъ числа нашихъ каюрщиковъ. Одинъ карянь, отошедъ съ дороги не болѣе пятидесяти шаговъ, гдѣ находился утесистый камень, подлѣ коего оставилъ по многимъ поклонамъ одну свою стрѣлу, возвратился къ обозу, я на томъ мѣстѣ видѣлъ множество оленьихъ лоскутьевъ и шерсти.

24-го ч. Поутру пріѣхали мы къ Острожку, отдѣленному отъ Каменнаго; онъ лежитъ на самомъ берегу губы Пенжинской, состоитъ изъ 12-и юртъ.—Мы тутъ завтракали очень вкусную, приготовленную карянами изъ оленьяго мяса съ дикимъ сухимъ лукомъ похлебку и жареную свѣжую рыбу вахню, которая видомъ очень похожа на налима, а вкусомъ нехороша; отправясь отсель съ великимъ трудомъ, переѣхали четырехверстную ширину устья рѣки Пенжины, гдѣ прошло времени въ переѣздѣ слишкомъ 4 часа.—Она замерзаетъ такъ неровно, что льдины становятся стойкомъ вышиною сажени въ двѣ и болѣе, и всей сіе мѣсто издали показывается морскимъ волненіемъ. Мы, проѣзжая глубокими рывинами, во многихъ мѣстахъ прорубали дорогу топорами. Въ 3-и часа пополудни прибыли въ острожекъ Каменный онъ лежитъ на прекрасномъ возвышенномъ мѣстѣ, подлѣ самага моря.

Состоитъ изъ 25-ти юртъ, имѣетъ въ себѣ жителей болѣе ста человекъ.

25-го ч. Здѣсь мы дневали. Любезные друзья! вотъ гдѣ привелъ случай праздновать Р. Х. Исторія вамъ показываетъ характеръ и нравы дикихъ сихъ народовъ; вы теперь можете судить о моемъ положеніи и чувствованіяхъ. Въ половинѣ дня прибылъ сюда камчатскаго об-

ластного правленія засѣдатель Ламалинъ. Онъ уже цѣлый годъ ѣздитъ по округѣ, для переписей родовъ карянь,—вообразите положеніе его и его людей!

26 ч. Отправились изъ Каменнаго до свѣта; прибыли ввечеру очень поздно въ острожекъ Мелянь. Онъ лежитъ на самой половинѣ дороги отъ Каменнаго до Паряня подлѣ самаго моря.

Состоить изъ 2-хъ юртъ и 5-и человѣкъ жителей.

27 ч. По худости собакъ ночевали въ дорогѣ на пустомъ мѣстѣ.

28 ч. Въ полдень прибыли въ послѣдній Каряцкій острогъ Парень; онъ лежитъ при рѣкѣ Пойтувьемъ, близъ моря. Состоить изъ 11-и юртъ, имѣеть въ себѣ жителей 50 человѣкъ. Здѣсь мы ѣли свѣжихъ хабьюзокъ, переночевали и перемѣнили всѣхъ Каменскаго острожка каюрныхъ и собакъ.

29 ч. Поутру отправились. Я замѣтилъ сихъ послѣднихъ двухъ острожковъ карянь, гораздо грубѣйшими противъ прочихъ. Мы ночевали въ дорогѣ.

30 ч. По восходѣ солнца, я рѣшился оставить свой обозъ; и пустился на собственныхъ собакахъ, взявъ съ собою и одну казорную съ проводникомъ, нарту, (то есть, сани) въ надеждѣ той, чтобъ до вечера успѣть прибытіемъ въ крѣпость Гежигинскую; но встрѣтилось тому совсѣмъ противное: оставивши своего толмача Никифора Камчадала въ поренѣ, я положился на одного знающаго немного по-русски каряну; онъ насъ увѣрилъ, что мы ночевали на самой половинѣ дороги, въ томъ поренѣ. А вышло противное и мы, ѣхали цѣлый день и всю почти ночь, по многомъ безпокойствѣ. На разсвѣтѣ 31 числа достигъ крѣпости Гежигинской.— До десятаго числа декабря мѣсяца ожидалъ преемника должности, мнѣ ввѣренной, господина маіора Крупскаго, которой сего числа въ ночи прибылъ. Съ одиннадцатаго числа началась отъ меня сдача и продолжалась по его копотливости до 26 числа, который день по окончаніи всего и чинъ Высочайше пожалованный при отставкѣ моей былъ формально мнѣ объявленъ и приведенъ на оный къ присягѣ.

2 ч. Января 1806 года въ 11 ч. утра распростился съ краемъ здѣшнимъ. Не могу безъ особенныхъ сердечныхъ чувствованій описать

разлуку съ добрыми жителями крѣпости Гежигинской. Наканунѣ выѣзда моего, въ самый Новый годъ по окончаніи божественной литургіи всѣ вообще чиновники и граждане были у меня и по особенной ко мнѣ любви и привязанности, которую я имѣлъ счастье отъ нихъ заслужить, всякій изъяснялъ ко мнѣ благодарность и сожалѣніе о томъ, что они лишались во мнѣ своего друга, а не начальника; и притомъ каждый желалъ въ награду за сіе всякаго благополучія въ предпринимаемомъ мною трудномъ моемъ пути. Рота же, бывшая въ моей командѣ три года, собравшись вся, чрезъ фельдфебеля просила меня въ послѣдній разъ съ ними проститься; я, вышедъ изъ комнаты, нашелъ оную построенную во фронтъ и по приходѣ моемъ къ нимъ громкій голосъ благодарности всѣхъ вообще добродушныхъ служителей тронулъ до слезъ чувства мои—я тутъ видѣлъ много плачущихъ и говорящихъ— „намъ уже не нажать такого начальника-отца, какъ ваше высок.-бл. жили съ нами“. Я при сей умилительной сценѣ не могъ долго быть, взаимно поблагодарилъ за ихъ ко мнѣ усердіе и притомъ отдалъ фельдфебелю 25 р. денегъ съ тѣмъ, чтобъ онъ купилъ на оныя водки и тѣмъ бы прекратилъ у добрыхъ служилыхъ текуція изъ глазъ слезы; прочихъ командъ также служащіе приходили все ко мнѣ прощаться и получили отъ меня то же. Того жъ вечера я сдѣлалъ прощальную вечеринку; на которую всѣ здѣшнія почетныя дамы были мной приглашены и танцую все общество, составляющее гражданъ здѣшнихъ, вечеръ до 12-ти часовъ провели довольно весело. При выѣздѣ жъ моемъ изъ крѣпости нашло множество народа обоого пола, и всякій при прощаніи моемъ изъяснялъ обо мнѣ сожалѣніе. Чиновники всѣ вообще и граждане отправились вмѣстѣ со мною, на своихъ собакахъ каждый, и провожали версть съ 15-ть отъ крѣпости, гдѣ распроставшись обратились въ свои дома, а я также пустился въ свой путь.

3-го ч. Генваря достигъ до селенія Наяхины сидячихъ крещеныхъ карянь, гдѣ переночевавъ, въ 4 ч. до свѣту отправился въ дорогу, версть за 20 отъѣхавши отъ сказаннаго селенія, нашли на самомъ трактѣ оленьихъ карянь, кочующихъ въ одной юртѣ гдѣ знакомый мнѣ карянь Акувбя убилъ на дорогу жирнаго оленя, и я, напившись здѣсь чаю, подкрѣпилъ желудокъ свой изряднымъ завтракомъ, пустился въ путь, который до седьмого числа продолжали по необитаемымъ мѣстамъ изрядной дорогой. а съ седьмого числа до десятаго ѣхали преглубокимъ бродомъ не болѣе какъ по десяти версть въ сутки. Переѣхавши Вилигинскій гребень, съ десятаго числа сдѣлалась престрашная и мокрая пурга, и мы принуждены были жить на одномъ и пустомъ мѣстѣ, отправивъ пѣшими на лыжахъ двухъ карянь капорныхъ до

селенія Туманы (до коего слѣдовало бѣ еще двое сутокъ быть въ дорогѣ), съ тѣмъ, чтобъ изъ онаго селенія послать какъ можно скорѣе къ намъ навстрѣчу нѣсколько легкихъ нартъ и собакамъ нашимъ корму, которые уже его нисколько не имѣли, а, однако жъ, я ожидалъ пятеро сутокъ и никого къ намъ послано не было. такъ что уже много терпящія животныя изнурялись голодомъ и начинали объѣдать перпичьи ремни, которыми обыкновенно здѣсь увязываются нарты. 15-го ч. принужденъ былъ еще отправить одного капорнаго каряку въ сказанное селеніе на лыжахъ, который, отойдя отъ насъ версть десять, встрѣтилъ четырехъ человѣкъ, ѣдущихъ къ намъ на помощь изъ Туманы и притомъ съ хорошимъ запасомъ для собакъ корму, и къ счастью— посланной отъ меня каряка Егоръ въ превеликомъ бродѣ поймалъ на лыжахъ дикаго барана, которой послужилъ для всѣхъ изрядной пищей. Того жъ числа ввечеру я отправился до Туманскаго селенія и достигъ въ оное 17-го числа вечеромъ. Желалъ на другой день слѣдовать въ свой путь, но случившійся снѣгъ причинилъ препятствіе, а я уже пустился въ путь 19-го.—

21-го ч. Утромъ повстрѣчалась съ нами почта, слѣдующая изъ Россіи въ Камчатку, которая въ дорогѣ уже находилась изъ Охотска цѣлый мѣсяць.—Того же числа въ полдень я достигъ до селенія Татхейяврѣ, сидячихъ же карянь, и пробывши въ немъ до вечера, въ ночь пустился въ дорогу; 22-го ч. достигъ крѣпостцы Ямской, которая имѣетъ мѣстоположеніе весьма хорошее, выстроена надъ самой рѣкой Ямою, и древностію своею гораздо старѣе крѣпости Гежигинской, но нынѣ команды содержится въ оной 18 человѣкъ казаковъ, и командиръ въ ней назначается всегда охотскимъ начальствомъ; въ мой проѣздъ былъ сынъ боярскій, Григорій Александровичъ Говоровъ, и человѣкъ, кажется, изрядный. Также жительство имѣютъ въ сей крѣпостцѣ сидячіе крещеные каряки, 10 человѣкъ Гежигинскаго вѣдомства, они содержатъ ганбу каюрнаго. Я, передневавши здѣсь, отправился 24-го числа въ путь. Три дня слѣдовалъ чрезвычайнымъ убродомъ снѣга и достигъ только до пустой юрты, построенной на срединѣ тракта отъ Ямской крѣпости до Сигланскаго острожка, гдѣ жилъ за случившейся пургой два дня; и тридесятаго числа доѣхалъ до Сигланскаго острога сидячихъ послѣднихъ по сему тракту карянь—и того ч. въ ночь отправился къ острожку Олѣ сидячихъ тунгусовъ и перваго числа прибылъ въ оный; здѣсь нашелъ я весьма порядочнаго старшину; и лучшихъ во всѣхъ частяхъ прочихъ карянь. Порядокъ и самыя юрты оныхъ очень опрятныя всѣхъ обитателей по сей дорогѣ жилища свои имѣющихъ.—2 ч. отбылъ изъ сего селенія и 4 ч. достигъ до селенія

жъ тунгусовъ, называемаго Армакъ, изъ коего тогожъ ч. отправились достигъ въ крѣпость Ямскую, въ которой переднеавши день. пустился въ свой путь. 12-го числа утромъ прибылъ въ портъ Охотскій и по особенному ко мнѣ усердію прежняго моего сослуживца приглашенъ былъ къ нему на нѣсколько дней моего въ Охотскѣ пребыванія на ночлегъ, и все общество прежнихъ моихъ знакомыхъ усердствовало особенными знаками ко мнѣ своей привѣтливости. И проживши 20 и 19-го числа въ Охотскѣ, отправился въ свой путь, коимъ и слѣдовалъ до селенія, Арки называемаго, на собакахъ, а оттуда съ тунгусами на вѣрныхъ оленяхъ до мѣстечка Чернаго Лѣса, откуда уже слѣдовалъ на лошадяхъ до Якутска, въ который прибылъ 8-го числа марта, и присталъ на квартиру у стараго моего знакомаго, господина якутскаго купца Алексѣя Андреевича Захарова и, проживши до 11-го ч., отбылъ въ Иркутскъ того жъ числа.

